

Сицына-Кудрявцева Алевтина Николаевна

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ "ЯЗЫКОВАЯ НОРМА" В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается становление категории "языковая норма" в отечественной лингвистике. На материале трудов российских языковедов XVIII - начала XX века анализируются зарождение культурно-речевой категории "языковая норма", формирование ее основных отличительных признаков. Рассмотрение понятия "языковая норма" в диахронии позволяет показать, что по мере того, как происходило формирование русского литературного языка и складывались орфоэпические, акцентологические, лексические, грамматические и стилистические правила его употребления, формировались и основные признаки языковой нормы как самостоятельной категории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 156-160. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'271.12

В статье рассматривается становление категории «языковая норма» в отечественной лингвистике. На материале трудов российских языковедов XVIII – начала XX века анализируются зарождение культурно-речевой категории «языковая норма», формирование ее основных отличительных признаков. Рассмотрение понятия «языковая норма» в диахронии позволяет показать, что по мере того, как происходило формирование русского литературного языка и складывались орфоэтические, акцентологические, лексические, грамматические и стилистические правила его употребления, формировались и основные признаки языковой нормы как самостоятельной категории.

Ключевые слова и фразы: языковая норма; система и норма; норма и узус; трансформация категории «языковая норма»; становление категории «языковая норма».

Сицына-Кудрявцева Алевтина Николаевна, к. филол. н.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
ansitsyna@mephi.ru*

КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ НОРМА» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

На современном этапе развития лингвистики языковая норма мыслится как ценностная социально-историческая языковая категория, природа которой формируется на пересечении диахронии и синхронии и выявляется из отношений с системой и узусом. Данное явление связано с понятиями «коммуникация», «языковой вкус». К основным признакам нормы принято относить устойчивость и консерватизм, распространенность, кодифицированность, ориентацию на авторитет источника, объективно-субъективный характер.

Интерес к понятию «языковая норма» в истории русской лингвистики возростал постепенно. Термин «норма» применительно к языку входит в активное употребление уже в первое десятилетие XX века. Его используют в своих работах К. П. Зеленецкий, А. А. Шахматов и др. В 1911 году А. А. Шахматов пишет: «Мы видим в его труде [В. И. Чернышева] пеструю смесь разных уклонений в сторону от **нормы**, оставшейся невыясненной» [19, с. 7].

С чем связана возросшая в XX веке активность в употреблении термина «языковая норма»?

Лингвистические дискуссии, возникшие в 1910–1930-е годы относительно путей развития современного русского литературного языка, породили потребность в разграничении явления неграмотности с нормативными явлениями, отражающими поступательное развитие языка в русле пушкинской тенденции к демократизации. Вследствие этих дискуссий появилась необходимость найти языковую категорию, которая позволила бы отделить одни явления от других и продемонстрировать связь, существующую между устроенностью языковой системы и культурным развитием нации. Ею и стала языковая норма.

Непреодолимый интерес к понятию «языковая норма» в новых социально-политических условиях, которые сложились в России в начале XX века, определил динамичное развитие теории нормативности, которая была окончательно сформирована усилиями русских и иностранных лингвистов в 1950–1980 годы. В 1978 году К. С. Горбачевич писал: «Еще полстолетия назад термин **норма** применительно к языку был малоупотребителен» [3, с. 26]. Через 30 лет Т. В. Матвеева отмечает: «В начале века в создании теории культуры речи и практической нормализаторской деятельности принимают участие крупнейшие ученые: Г. О. Винокур, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков, позднее Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов, Ф. П. Филин и др. Их трудами сформирована теория нормы и нормативности, выработана систематика языковых норм, заложены основы нормализации» [11, с. 188].

Однако если исследовать историю развития русского лингвистического учения, то можно увидеть, что изучение особенностей функционирования лингвистической категории «языковая норма» начинается в отечественном языкознании еще в первой половине XVIII века. Рождение теории нормированности связано с именами М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского. Во второй половине XVIII–XIX – начале XX века происходит дальнейшее осмысление этого языкового явления.

Сформулируем цель исследования: показать на материале работ российских языковедов первой половины XVIII – второй половины XIX – начала XX века, как формировалась категория «языковая норма» в отечественной лингвистике.

Итак, обратимся к трудам российских лингвистов XVIII – начала XX века.

В. К. Тредиаковский одним из первых в своих работах обратился к вопросу формирования русского литературного языка, в связи с чем им были затронуты теоретические вопросы, касающиеся понятия «языковая норма». Как отмечает Б. А. Успенский, именно Тредиаковский, размышляя о проблемах литературного языка, впервые в истории русской лингвистики поднимает вопрос языкового употребления, при этом он осмысливает данное слово как термин [18]. «Об “употреблении”» как основе литературного языка, – пишет Успенский, – Тредиаковский говорит уже в “Речи к членам Российского собрания” 1735 г., затем в “Новом и кратком способе к сложению Российских стихов...” 1735 г. и в ряде последующих сочинений» [Там же, с. 82]. В «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой...» филолог

предпринимает попытки теоретического осмысления этой категории. В монологе употребления В. К. Третьяковский констатирует, что только употребление есть единственно верное правило, руководствуясь которым носители языка должны строить свою речь. Лингвист указывает и на зависимость, существующую между употреблением и природой языка, на приоритет этой категории перед «правилами, от грамматистов положенными» [16, с. 218]. Таким образом, можно говорить о том, что В. К. Третьяковский затрагивает ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к пониманию природы языковой нормы: 1) вопрос культурной специфичности этого явления, поскольку оно должно рассматриваться сквозь призму языка; 2) вопрос зависимости употребления от природы языка, что с современной точки зрения можно трактовать как зависимость нормы от системы, так как в рамках последней определяются возможности первой; 3) вопрос определения употреблением правил языка, что в настоящем мыслится как отношения нормы с узусом, под воздействием которого изменяется норма.

Можно заключить, что в трудах В. Г. Третьяковского зарождается представление о норме как меняющемся явлении, в основе которого лежит признак адекватности современному состоянию языка. При таком подходе на первый план выходят критерии оценки нормативности языкового факта, к которым, прежде всего, следует отнести критерий оценки языкового явления в отношении его возможности удовлетворять функционально-языковые нужды коллектива: «Я только и правило, по которому должно поступать в языке» [Там же] и критерий системности, под которым подразумевается соответствие явления существующим отношениям в языковой системе: «ибо не от правил я употребление, но от меня правила в живущих языках» [Там же].

Несколькими годами позже М. В. Ломоносов тоже подходит к осмыслению категории «языковая норма» и развивает мысли своего предшественника. В наставлении втором «Российской грамматики Михайло Ломоносова», рассуждая по поводу отмены буквы ѣ, ученый пишет: «...сие как невозможно, так и свойствам Российского языка противно...» [10, с. 53]. Филолог понимает, что языковые средства должны соответствовать системе, что их выбор и функционирование осуществляются в соответствии с ее законами. Можно говорить о возникновении в работе М. В. Ломоносова теоретических предпосылок, послуживших основой формирования соотношения «система – норма». В таком соотношении, по мысли исследователя, норма формируется в рамках возможных реализаций, предлагаемых ей системой, вследствие чего она всегда соответствует вышеназванной, но, в отличие от системы, норма не есть возможных языковых оппозиций, а выбранный из возможных вариант, т.е. реализуемая модель, сформировавшаяся в рамках языковой системы.

Важным для М. В. Ломоносова являются и эстетические характеристики языковой нормы: «Московское наречие <...> для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается» [Там же, с. 52]. Не последнюю роль в этом играет языковой вкус. Таким образом, филолог оценивает явления языка, основываясь на их общественно-языковой и культурной природе. В его понимании вкус воздействует на развитие языка и влияет на формирование норм.

Решая в «Российской грамматике» вопрос о выборе окончаний прилагательных множественного числа мужского рода, М. В. Ломоносов приходит к выводу о том, что при выборе нормативного варианта следует исходить из природы языка, учитывать пути его исторического развития [Там же, с. 54]. Выбор нормативного варианта филолог предлагает производить, ориентируясь на писательские авторитеты, традицию. М. В. Ломоносов демонстрирует связь, существующую между нормой и культурными традициями в языке. Он формирует и критерий отбора языковых средств, которые могут считаться нормативными. В лингвистике XX века в теории языковой нормы они воплотились в такие ее признаки, как устойчивость и консерватизм, а также ориентация на авторитет источника.

В. К. Третьяковский и М. В. Ломоносов были не единственными, кто закладывал теоретические основы категории «языковая норма». Наравне с ними А. П. Сумароков обращался к вопросам, связанным с этим понятием.

В труде «К типографским наборщикам» А. П. Сумароков, рассуждая о правомерности введения в русский язык слов «чужестранных», делает следующие замечания: «...язык народа и не последнее дело в народе...» [14, с. 308-309]. Тем самым автором работы выражается мысль о том, что отбор языковых средств осуществляется посредством носителей языка, а грамматики лишь закрепляют отобранное национальным языковым сообществом. Данные идеи соотносимы с современной концепцией теории языковой нормы, в рамках которой рассматриваются ее отношения с узусом. Являясь моделью общественного языкового сознания, норма оформляется в узусе, который представляет собой массовое, регулярное употребление языковых единиц. Таким образом, в соотношении «норма – узус» первая предстает, с одной стороны, в виде одного из вариантов языковой реализации, допускаемых системой, с другой стороны, в виде одного из вариантов, отобранных языковым сообществом.

В труде «О правописании» А. П. Сумароков, затрагивая вопрос о правомерности введения гражданского алфавита, подходит к мысли о коммуникативной целесообразности языковых изменений: необходимы только те изменения, которые не приводят к затруднениям при употреблении языковых средств [15, с. 11]. В XX веке К. С. Горбачевич производит обобщение данного принципа: «...целесообразно, а следовательно, и правильно то, что способствует пониманию высказывания» [3, с. 36]. Сопоставление высказываний А. П. Сумарокова и К. С. Горбачевича позволяет прийти к заключению о том, что уже в XVIII веке в русской лингвистике происходит осознание коммуникативной функции языка в качестве одной из ведущих, что в теории языковой нормы воплощается в типологию норм языковой коммуникации (теория А. Едлички).

Итак, в XVIII веке появляется термин, родственный более позднему понятию «языковая норма», – «употребление». Выявляются такие характеристики этого явления, как соответствие природе языка, культурная

специфичность, начинает определяться место «употребления» (нормы) в координатной сетке «система – узус». Рассуждения М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова относительно правомерности выбора того или иного языкового варианта станут тем фундаментом, на котором позднее воздвигнутся теории культурной специфичности нормы, ее зависимости от языкового вкуса эпохи (теория В. Г. Костомарова), кодифицированности (теория Л. И. Скворцова).

Несмотря на то, что именно в конце XVIII века начинается динамичное формирование теории языковой нормы, пристального внимания заслуживает изучение развития данного понятия во второй половине XIX – начале XX столетия. По отношению к предшествующим периодам вторая половина XIX века являет собой то время, когда происходит интенсификация тенденции к демократизации русского литературного языка. Ю. А. Бельчиков связывает активность этой тенденции с усилением роли разночинцев в формировании интеллигенции [2]. Именно прогрессирование процесса демократизации русского литературного языка в совокупности с дальнейшим развитием его стилистической системы, в частности с окончательным оформлением публицистического стиля, обусловило привлечение пристального внимания к особенностям функционирования языковой нормы.

С середины XIX века в русской филологии начинает процветать собирательство народных речений, «живых» слов языка, фольклора. В свет выходит «Опыт русского простонародного словотолковника» М. Н. Макарова, публикуется «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и т.п. В таких условиях назревает острая необходимость очертить границы нормативных языковых явлений и отделить их от явлений частного порядка. Это обстоятельство способствует созданию языковедческой литературы, цель которой – выявить неправильности на всех уровнях русского языка и дать указания, как правильно употреблять те или иные языковые средства. В таком ключе создается монография К. П. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае», труд В. Р. Долопчева «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи», работа А. Б. «Отчего? Зачем? и Почему?: Оскудение и искажение русской речи» и некоторые др.

В предисловии к своей книге К. П. Зеленецкий указывает на то, что задача его работы заключается в определении языковых средств, которые считаются нормативными [9, с. 4] Для него нормативными являются те языковые средства, которые содержатся в Академическом словаре. Таким образом, К. П. Зеленецкий определяет такое первостепенное свойство языковой нормы, как ее кодифицированность. В этот же период, работая над созданием «Словаря живого великорусского языка», В. И. Даль сталкивается с проблемой правильности кодификации лексических средств в современных ему словарях. Он замечает, что словари переполнены грубыми ошибками, нередко основанными на недомолвках, описках, опечатках [6]. Филолог указывает на необходимость осуществления отбора и оценки тех языковых средств, которые подвергаются кодификации. По его мнению, кодифицироваться должно только то, что находится в границах языковой нормы [Там же]. Таким образом, во второй половине XIX века получает первичное теоретическое обоснование такая характеристика языковой нормы, как ее кодифицированность. Однако сам вопрос о том, какие основания следует выбирать для того, чтобы языковое явление было нормативно закреплено, возникает еще в XVIII веке (работы М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова).

Я. К. Грот в своих исследованиях отмечает несколько особенностей, присущих языковой норме. В «Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого доныне» языковед замечает: «Для массы всего обязательнее привычка; затем новизна» [5, с. 634]. Лингвист указывает на консерватизм языковой нормы, ее устойчивость и малую изменчивость с течением времени. В работе «Народный и литературный язык. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля» Я. К. Грот пишет, что переносить слова из одной сферы в другую не всегда удобно, а иногда и вовсе нецелесообразно, так как слово должно быть соотносимо с оттенком, который человек хочет придать своему высказыванию [4, с. 16]. Тем самым он затрагивает вопрос коммуникативной и стилистической нормы в их соотношении с нормой языковой.

Мы можем заключить, что начавшее формироваться в работах В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова представление о триаде «система – норма – узус» подталкивает исследователей XIX века к идее о том, что существует типология норм, в рамках которой можно выделить нормы системные (языковые) и коммуникативные (узуальные): первые соотносятся с понятием правильности, таким образом, на первый план выходит система, вторые – с понятием коммуникативной ситуации, т.е. на первый план выходит узус.

А. Б. в брошюре «Отчего? Зачем? и Почему?: Оскудение и искажение русской речи» в метафорической форме представляет отношения, существующие между системой и нормой. Лингвист считает, что в рамках системы и ее возможностей норма призвана отбирать наиболее целесообразные и жизнеспособные варианты, которые должны отвечать природе языка, лишь в этом случае достигается баланс внутри названной дихотомии [1, с. 7]. Он понимает отношения системы и нормы следующим образом: система есть идеальная модель с множеством вариантов реализации; норма есть готовая модель с избранным вариантом реализации, выбор которого произошел в процессе истории с учетом этнических, социальных, культурных и других приоритетов нации. В рамках нормы система получает свою конкретную реализацию, вместе с тем норма позволяет определить специфику языковой системы нации. А. Б., как и филологи XVIII века, видит, что норма – это культурно-специфичное понятие, поскольку оно формируется в языке, следовательно, является отображением его основных особенностей.

В предисловии к «Опыту словаря неправильностей...» В. Р. Долопчев указывает на такую особенность бытования понятия «языковая норма», как ориентация на авторитет источника: «Предлагаемые поправки основаны на литературном языке образцовых писателей» [7, с. III]. Лингвист обращает внимание и на явление

вариантности, которое он отделяет от понятия «неправильность»: «Я счел полезным включить в него [словарь] слова с двоякими формами и ударениями» [Там же, с. VI]. Исследователь указывает на возможность варьирования грамматических и фонетических форм в рамках языковой нормы. В советский период отечественной лингвистики эти зачатки теории оформятся в стройную научную концепцию (работы К. С. Горбачевича).

В конце XIX – начале XX века способы вмешательства в историческое развитие языка получили негативную оценку в концепции академика А. А. Шахматова. Однако скептический взгляд на возможность управлять языковыми процессами, демонстрируемый академиком, не стал тем тормозом, который повлиял на замедление процесса теоретического осмысления понятия «языковая норма». Известный спор академика А. А. Шахматова с И. Х. Пахманом, протестовавшим против груды необработанного материала [12], который являл собой Академический словарь русского языка, созданный под руководством первого, был толчком, повлиявшим на привлечение внимания к языковой норме. Отвержение явления увеличивало интерес лингвистов к нему. Сам А. А. Шахматов писал: «Главный и единственный авторитет в языке – это обычай, употребление» [19, с. 12]. В приведенном высказывании он формирует взгляд, как ранее это делал В. К. Тредиаковский, на понятие узуса, который, являясь обычаем употребления языковых единиц, пробуждает к жизни языковую норму. Однако в понимании академика Шахматова в соотношении «норма – узус» второй член занимает главенствующую позицию по отношению к первому. Критерий оценки нормативности языкового факта понимается ученым лишь как возможность удовлетворять функционально-языковые нужды коллектива. Отвержение понятия «языковая норма» в концепции А. А. Шахматова приводит к тому, что наравне с «классическим» взглядом на теорию нормированности начинает формироваться социально-коммуникативный, в основу которого ложится принцип эффективности языкового общения.

Таким образом, с 1850 по 1915 годы теория языковой нормы продолжает свое интенсивное развитие в отечественной лингвистике. В этот период более точно определяются и описываются такие свойства нормы, как кодифицированность, консерватизм, устойчивость, ориентация на авторитет источника, появляется знание об объективно-субъективном характере ее существования в языке, зарождается понятие «вариантность», начинает формироваться типология норм. Взгляд на теорию нормированности становится шире. Понятие «норма» начинает рассматриваться в соотношении с категорией «коммуникация», что в дальнейшем приведет к сопоставлению ее с категориями «дискурс» и «текст» [11, с. 190]. Таким образом, в конце XIX – начале XX столетия происходит расширение границ категории «языковая норма», в которую теперь включается не только признак правильности, но и коммуникативно-стилистической целесообразности. Более широкое понимание термина «языковая норма» в большей степени будет соответствовать формирующейся в 1920-е годы концепции культуры речи, которая мыслилась как интегрированная наука об эффективности речевого общения (теория Г. О. Винокура).

Из изложенного в рамках работы следует:

С середины XVIII века до первых десятилетий XX столетия в отечественной языковедческой литературе постепенно формируется понятие о категории «языковая норма», углубляясь и расширяясь: появляются, развиваются знания о функционировании нормы в системе и узусе, о ее зависимости от культурных традиций, существующих в языке, от вкусовых предпочтений общества (М. В. Ломоносов), знания о типах норм, об особенностях кодификации нормативных явлений, формулируются и описываются свойства этой категории.

В XVIII веке появляются первые ростки «классической» теории нормированности, в основе которой лежит зарождающееся представление о функционировании нормы в пространстве системы и «употребления, обычая», т.е. узуса, определяются основные признаки (свойства) этого явления. Норма начинает мыслиться как динамическая культурно-специфичная категория, которая, с одной стороны, подвергается изменениям вследствие развития языка, с другой стороны, концентрирует в себя основные языковые черты нации.

В первой половине XIX века осуществляется дальнейшая разработка принципов функционирования языковой нормы. Однако наиболее динамично начинает разрабатываться теория нормы во второй половине XIX столетия.

Вклад отечественных лингвистов 1850-1915 годов в развитие теории нормированности заключается в том, что им удалось не только более детально проработать то, что было описано лингвистами XVIII века, но и дополнить новыми знаниями. Принципиально важным является то, что теория нормы в этот период начинает эволюционировать. Теперь категория «норма» рассматривается не только в сопоставлении с понятиями «система – узус», но и в соотношении с категорией «коммуникация» (работы Я. К. Грота, А. А. Шахматова). Таким образом, в основу теории нормированности кладется принцип эффективности языкового общения. В последней трети XX – начале XIX века развитие теории нормы пойдет именно по этому пути (работы А. Едлички, В. Г. Костомарова).

Диахронический взгляд на развитие категории «языковая норма» позволяет прийти к заключению, что постепенное накопление и приращение знаний о норме привело к формированию целостной системы координат, в которых существует это явление в современности.

Список литературы

1. А. Б. Отчего? Зачем? и Почему?: оскудение и искажение русской речи. СПб.: Тип. мин-ва внут. дел, 1899. 47 с.
2. Бельчиков Ю. А. Русская литературная лексика в 50-60 годах XIX века // Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 142-191.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского языка. М.: Просвещение, 1978. 240 с.

4. Грот Я. К. Народный и литературный язык. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Филологические разыскания Я. Грота. Изд-е 4-е, доп. / под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Тип. мин-ва путей сообщения, 1899. С. 1-45.
5. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне // Филологические разыскания Я. Грота. Изд-е 4-е, доп. / под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Тип. мин-ва путей сообщения, 1899. С. 471-801.
6. Даль В. И. О русском языке // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Тип. А. Семена, 1863-1866. С. 22-32.
7. Долопчев В. Р. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Изд-е 2-е, пересм. и доп. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1909. 332 с.
8. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XX. С. 135-148.
9. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае. Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1855. 36 с.
10. Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайло Ломоносова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук., 1755. 213 с.
11. Матвеева Т. В. Культура речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 186-190.
12. Пахман И. Х. Записка И. Х. Пахмана // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук: в 101-м т. СПб.: Тип. Имп. Акад., 1909. Т. LXX. № 1. С. 16-18.
13. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М.: Наука, 1980. 352 с.
14. Сумароков А. П. К типографским наборщикам // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: в XII ч. Изд-е 2-е. М.: Тип. Н. Новикова, 1787. Ч. IV. С. 307-315.
15. Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: в XII ч. Изд-е 2-е. М.: Тип. Н. Новикова, 1787. Ч. X. С. 5-38.
16. Третьяковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи // Сочинения Третьяковского: в III т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1849. Т. III. С. 1-316.
17. Трошева Т. Б. Стилистическая норма // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 433-437.
18. Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского: Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. 608 с.
19. Шахматов А. А. Отзыв о сочинении В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 12 с.

CULTURAL-SPEECH NOTION “LANGUAGE NORM” IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LINGUISTICS

Sitsyna-Kudryavtseva Alevtina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)
ansitsyna@mephi.ru

The article examines the establishment of the category “language norm” in the domestic linguistics. By the material of the works of the Russian linguists of the XVIII – the beginning of the XX century the origin of the cultural-speech category “language norm”, the formation of its main distinctive features are analyzed. The examination of the notion “language norm” in diachrony allows showing that the principal features of the language norm as an independent category were formed while creating the Russian literary language and developing the orthoepic, accentological, lexical, grammatical and stylistic rules of its usage.

Key words and phrases: language norm; system and norm; norm and usage; transformation of category “language norm”; formation of category “language norm”.

УДК 811.112.2

В данной статье рассматривается вопрос использования редупликации в современном немецком языке. В целом, повтор, лежащий в основе редупликации, может быть представлен на разных уровнях языка и рассматриваться как амредита, геминация, тавтология, плеоназм и т.д., реализуя при этом конкретное функциональное назначение. Автор дает описание основным сферам употребления редупликатов в современном немецком языке, а также затрагивает вопрос семантической сущности данного языкового явления.

Ключевые слова и фразы: способ словообразования; редупликация; удвоение; внутрисловный повтор; аблаутивные редупликаты; простые редупликаты; семантика редупликации.

Урбаева Александра Павловна, к. филол. н.
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова
urbaeva_a@mail.ru

ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕДУПЛИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Редупликация не характерна для немецкого языка как формо- и словообразующее средство. В «Грамматике современного немецкого языка» («Grammatik der deutschen Gegenwartssprache») указывается на то,